

Р. Иманжүсіп

ШОКАН УАЛИХАНОВ – В ИСТОРИИ НАУКИ КАЗАХСТАНА

SHOKAN UALIKHANOV – IN THE HISTORY OF SCIENCE OF KAZAKHSTAN

В статье рассматриваются научные воззрения Шокана Уалиханова, анализируются основные положения его трудов.

Ключевые слова: интеллектуальная саморефлексия, ценности, феномен, человеческое предназначение, эпоха Уалиханова.

The article deals with the scientific views of Shokan Ualikhanov, analyses the major provisions of his works.

Keywords: intellectual self-reflection, value, phenomenon, human essence, Ualikhanov epoch.

ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

В истории казахской науки и культуры имя Ш. Уалиханова занимает одно из ведущих мест. Его жизнь и многогранное творчество – это целостное культурное явление, эпоха, центром которой была личность Шокана.

Интеллектуальная саморефлексия, формирование личных принципов познания отечественной науки составляют основу трудов Уалиханова.

Актуальность и востребованность его трудов определяется тем, что идеи, мысли и научные открытия первого казахского ученого являются ориентирами в осмыслении мировых культурно – цивилизационных процессов сегодняшнего дня.

Государственная программа «Культурное наследие», созданная по инициативе Президента Республики Казахстан, определяет приоритетными задачами возвращение и сохранение культурно-исторического опыта человечества. В свете этого положения изучение трудов Шокана Уалиханова, масштабное их освоение и переосмысление является решением проблемы сохранения ценностей самобытной культуры Казахстана с одной стороны и мировых глобализационных процессов с другой.

По определению Агына Касымжанова, Шокан весь был «обращен в будущее, а современность, актуальность Уалиханова, жизненная плодотворность его наследия такова, что требует продолжения развития».

Шокан Уалиханов в своих трудах «открывает миру казахского человека как носителя самобытной культуры, обладающего вневременными, а значит и современными потенциально актуализируемыми ценностями». (Гульшат Уалиханова)

В одной из своих работ он указывал, что на первом месте для него стоят интересы казахов, затем России, затем всего человечества. В этом утверждении прослеживается тревога Шокана за судьбу своего народа, а также мысль о том, что каждый народ и его культура являются составной частью мировой культуры.

Когда, говорил он, я слушаю рассказ, как киргизы дерутся с русскими казаками, я желаю победы киргизам, когда присутствую при споре сибиряков с расейцами, я желаю, чтобы сибиряки переспорили расейцев, а когда читаю о походах Суворова или об Отечественной войне, то желаю победы русскому солдату над французами.

Шокан говорил, что у него одна любовь вставлена в другую, другая в третью, вроде того, как ирбитские сундуки, маленький вложен в большой, а тот в еще больший.

Личность Шокана Уалиханова – первый персонифицированный феномен казахской культуры, который попытался открыть мир для своего народа и показать миру свой народ и нельзя, не сказать

в связи с этим о роли Федора Михайловича Достоевского в жизни Шокана. Друг и наставник Шокана, он представлял будущее талантливого юноши тесно связанным с лучшим устройством жизни казахского народа. Всемирно известный писатель в своем письме к 19-летнему другу так определял его жизненную программу: «Лет через 7–8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть не первым из своих, который бы растолковал России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу, и сердце. Нельзя, нельзя отставать; настаивайте, старайтесь и даже хитрите, если можно. А ведь возможно все, будьте уверены. Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе Вашей, мой друг Вали-хан. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и делял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности. Трудно решить: какой сделать Вам первый шаг. Но вот еще один совет (вообще) – менее загадывайте и мечтайте и больше делайте: хоть с чего-нибудь да начинайте, хоть что-нибудь да сделайте для расширения карьеры своей. Что-нибудь все-таки лучше, чем ничего». В другом письме он советует: «По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих записок о степном быте, вашем возрасте там и т.д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново и Вы, конечно, знали бы, что писать (например, вроде Джона Тиннера в переводе Пушкина, если помните). На Вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Одним словом, и в Омске на Вас смотрели бы иначе. Тогда Вы могли бы заинтересовать даже родных ваших возможностью новой дороги для Вас».

Достоевский не закрывал глаза на то, что путь Валиханова будет очень трудным и сложным (поэтому он и говорит, что Чокану надо настаивать, стараться и даже хитрить). Но он верил, что Чокан добьется успеха и сможет помочь своему народу. И Достоевский оказался прав; судьба Чокана Валиханова сложилась необычайно ярко, интересно. Он, как говорил Потанин, «стал русским писателем о киргизах, вместо того, чтобы стать писателем для киргизов». Он стал членом Русского географического общества; бывая в Петербурге, завел широкий круг знакомств с передовыми, прогрессивными деятелями тогдашней России. Через Ф. М. Достоевского он познакомился с А. Майковым, Полонским, Вс. Крестовским; был знаком с Менделеевым, Добролюбовым. Посетил в редакции «Современника» Чернышевского; стал известен Русскому географическому обществу своими многочисленными статьями, исследованиями, очерками не только о киргизском (казахском) народе, но также и о других, соседних с казахами народах Западного и Восточного Туркестана.

Как видно из переписки, между Достоевским и Чоканом установилась настоящая, искренняя, сердечная дружба. Эта переписка длилась до 1862 года. Достоевский советует Чокану выступить с «просвещенным ходатайством» за свой народ. А русские, о которых он упоминает в своем письме, – это, конечно, не колониальный аппарат царизма; несомненно, тут имеется в виду образованная часть русского общества.

Поведать образованной России о своем народе, о его обездоленном, угнетенном положении – вот что, по мысли Достоевского, должно стоять благородной задачей перед Чоканом Валихановым, первым казахом просветителем и борцом за светлое будущее народа.

Это вопрос и был темой неоднократных разговоров в личных беседах между друзьями. А для своего времени, для той поры это была самая искренняя и благородная идея – стать заступником своего народа. Для тех, кто знал в той или иной мере состояние Степи, царившее там невежество, это была самая естественная программа действий.

Мухтар Ауэзов, размышляя о роли Достоевского в жизни Шокана Уалиханова писал, что советы Достоевского, его напутствия талантливому юноше формулировали самую благородную задачу образованных представителей казахского народа. Грандиозную роль в судьбе народа должен был сыграть творческий труд его лучших представителей: научно – исследовательские работы, художественные произведения, полно и разносторонне освещающие неведомый для культурных народов быт Степи – своеобразие ее жизни и судьбы минувших поколений казахов.

Нам бесконечно дорого сознать, отмечал Мухтар Ауэзов, что великий русский писатель Ф. М. Достоевский говорил о своих думах и чаяниях с лучшими представителями казахского народа, что он мыслит будущее этого народа связанным с русским народом, с его борьбой за светлое будущее.

Нельзя не упомянуть с досадой о том, что за последние годы некоторые исследователи жизни и деятельности Шокана Уалиханова, в особенности писатели, воспроизводящие образ Шокана в его среде, зачем – то пытаются неуместно, неуклюже отгораживать Шокана от Достоевского, словно боясь, что эта связь затемнит облик Шокана, прогрессивного деятеля казахского народа.

Однако на деле (как это видно из письма Достоевского) эта дружба ни в коей мере не снижает Шокана Уалиханова, а наоборот, прибавляет яркие и привлекательные штрихи к его облику. Эта дружба – одно из прекрасных свидетельств исторической дружбы русского и казахского народов.

У Штайнера есть такое определение: «ищущий высшего познания должен взрастить себе». Для каждого человека эти слова могут быть направляющей силой, которая поможет взрастить в себе навыки правильного функционирования мышления, заключающиеся в том, что любые явления, любые действия рассматриваются под углом зрения конечной цели истории и мироздания.

Когда же мы задумываемся о том, что понимать под конечной целью истории и мироздания, то невольно вспоминаются строки из «Картезианских тетрадей» Мераба Мамардашвили: «Конечный смысл мироздания или конечный смысл истории является частью человеческого предназначения. А человеческое предназначение есть следующее: исполниться в качестве Человека, стать человеком».

Один из величайших примеров исполнения человеческого предназначения должно считать Шокана Уалиханова, ученого, путешественника, писателя, художника. Современнику Шокана, Григорию Потанину принадлежат следующие слова: «В среде казахов не найдется ни одного, за которым возможно было бы признать значение, равное с Шоканом». Сенатор Ковалевский, директор Азиатского департамента, говорил, что судя по путешествию в Кашгар и отчету, сделанному Шоканом, он имеет право назвать его гениальным молодым человеком. И в самом деле, наверное нет ни одной отрасли науки, где бы не проявилось научное дарование Шокана. Он оставил глубокие мысли и в этнологии, истории, географии, литературе, юриспруденции, военном деле, политологии, социологии. В своих трудах он выступает как культуролог, прекрасный знаток сельского хозяйства, экономист, ботаник, тонкий знаток музыки, художник лингвист. Его интересуют вопросы религии, демократии, власти. Он прекрасный наездник, охотник. Один из первых профессиональных военных, адъютант и офицер по особым поручениям. Нурултан Абишевич Назарбаев, президент Республики Казахстан, в своей книге «В потоке истории» отмечая важность и актуальность исследования творчества Ш. Уалиханова, писал: «Шокан Уалиханов, прямой потомок хана Абылая, нес в своей родословной богатейший духовный заряд предков».

Ш. Уалиханов в своей работе «Киргизское родословие» указывает именно на этот богатейший духовный заряд предков. Он пишет: «несмотря на изустную передачу, в продолжение многих лет и через уста многих поколений, джиры и предание, благодаря удивительным способностям и памяти импровизировать, и любви самого народа до песен, джиров, преданий и сказок о подвигах своих предков, сохранились до сих пор довольно чисто, и все их списки, собранные из разных отдельных частей обширной степи, чрезвычайно сходны. О киргизах можно положительно сказать, что они сохранивший остаток древней татарщины, со всеми их поверьями, обычаями, увеселениями, но с более умственными достоинствами – с огромным запасом исторических преданий поэтического свойства, с песнями импровизаторов, бывших в разные времена, с любовью к музыке и увеселением и с огромным кодексом определенных народных прав, судебных разборов и полицейских мер. Нет ни одного достопамятного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни этого народа, воспоминание о котором не осталось бы в народной памяти... Каждый почетный киргиз-родоначальник знает всю генеалогию своего рода и, чтобы быть благовоспитанным и порядочным человеком, усердно изучает народное право под руководством старого бия, пользующегося в народе репутацией, юридической известностью и совершенствуется в красноречии, приобретаая на память множество договоров, пословиц, забавных анекдотов и употребляя их для украшения своих речей». Так писал Шокан Уалиханов в 1856 г., изучая литературные источники и материалы Омского архива, систематизируя дневниковые записки поездок в Семиречье и на Иссык-куле. В трех своих работах: «Записки о киргизах», «Смерть Кукотой-хана и его поминки», «Киргизское родословие» двадцатилетний юноша сообщает сведения по истории народов Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана, анализирует исторические предания народа,

материалы по этническому (родовому) расселению, экономике, географии, этнографии, культуре и быту, обычаях, фольклору.

Эпоха Уалиханова стала переломной в истории казахов. Смысл его творчестве, как отмечает исследователь Мирлан Иманбеков, в осмыслении наследия европейской культуры для самого казахского духа и переосмыслении казахского духа с позиций европейской культуры в целом и философии в частности. «Валиханов сохранил глубокую преданность своей стране, он любил киргизскую степь, но вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию. Люди, близко знавшие Валиханова, прибавляют, что по своим умственным симпатиям и направлению Валиханов был русским западником: он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми желал горячо ее обновления» – писал А. Пыпин. После смерти Шокана, Григорий Потанин, друг и соратник, вспоминал – «Шокан Валиханов – первый по времени киргиз, вставивший свое имя в список русских писателей».

Он принадлежал к числу тех исключительных натур, которые как метеор, являются в наш мир только на короткий срок, чтобы своей оригинальностью скрасить жизнь более или менее тесного круга людей, приходящих с ним в общение. Он имел нежное сердце и острый ум. Из литературных имен наибольшее обаяние на него производили Байрон, Гейне и Лермонтов. Он был слишком европеец, более европеец, чем многие русские, и потому уже никогда не мог сбросить с себя наложенную на него печать европейской духовной культуры.

В воспоминаниях другого современника Ядринцева говорится о трагедии молодого, полного сил талантливой юноши, который вынужден был разочаровавшись в службе, возвратиться в степь к своим сородичам, «это первая судьба инородца, – пишет Г. Потанин, – испившего чашу цивилизации, получившего образование, под конец опять возвратившегося к своим пенатам и сородичам, как бы испугавшись этой цивилизации. В этом разочаровании после ослепительного блеска, в этой боязни и трепете инородца вообще за судьбу своей народности сказывается не доверие, опасение инородца к чужой культуре и всплывшее чувство самосохранение. Мы еще не подготовили почвы, чтобы инородец вступил в нее смело». Сам Шокан, осознавая трагическую раздвоенность, с горечью заметил: «Я вижу теперь, как трудно одному бороться со всеми». В дневнике поездки на Иссык-Куль, который представляет собой форму научного исследования, Шокан Уалиханов, проезжая мимо могилы Баян-сулу и Козы-Корпеша пишет, что хотел бы непременно напиться чаю на могиле влюбленных. «Мы хорошо изучили поэму и потому хотели осмотреть их могилу. По времени нашего выезда из пикета № 2, мы должны были проехать через Кезильский пикет ночью. Но нам хотелось выехать там в утро и на могиле напиться чаю: приятно в дороге пить чай и особенно на развалинах, на древних могилах. **Думать о прошедшем и заботиться о настоящем.**»

Эти слова Шокана можно считать эпиграфом, концептуальной основой всей его жизни и деятельности, в них заключается понимание Шокана своего предназначения и миропонимания и примечательно то, что именно эта мысль Шокана является основной в концептуальном содержании государственной программы по сохранению культурного наследия.

Для Шокана могила Баян-сулу и Козы-Корпеша материальный носитель предания. Мирлан Иманбеков, исследователь творчества Шокана формулирует данное единство следующим образом: «Предания как бы содержатся в могилах, обитают в пространстве около них. Кочевник попадая в это пространство, оказывается сущностью причастным к своей истине, к своему бытию. Могилы посредством предания открывают человеку его истину, приобщают к его собственной памяти. Могилы есть пространство предания, предание же есть функция духа народа». Эту же мысль высказывает Марат Абсеметов, лауреат премии имени Мухтара Ауэзова НАН РК. Так, в статье «Битва у священных могил» он пишет, «для казаха могилы, мазары совсем не то, что для европейца. Это пантеон, это обиталище духов предков аруахов, у которых мужчины просят защиты и силы, а бездетные женщины ребенка... В восточном мировоззрении могилы предков являются святыми, местом поклонения. Считалось, что такие места укрыты самим Богом от всех напастей и несчастий». В связи с этим можно утверждать, что разочарование и опасения его к чужой культуре и всплывшее чувство самосохранения, о которых писал Григорий Потанин, вполне закономерны, и возвращение Шокана в родную степь вызвано глубокой любовью и преданностью родной земле и соотечественникам. И вполне вероятно предположить, что интерес Шокана к этнографии, мифологии, шаманству вызван именно этими чувствами.

В работе «Следы шаманства у киргизов» Шокан приводит объяснение шаманского небопочитания, которое было сформулировано Карлейлем: «Вы, верно, помните приводимый Платоном пример

человека, который выросши и возмужавши в темной пещере, вдруг был выведен на свет». Человек удивлялся солнцу и поклонялся ему; увидел Луну и ей поклонился; он поклонялся всему в природе, где замечал присутствие этой необъяснимой силы, вечной как время, которую он назвал Синим небом – Кок Тенгри. Статья двадцатилетнего юноши заканчивается такими словами: «Другое чудо – человек. Эта душа, эти способности, этот дух мыслящий и пылкий не есть ли очевидное присутствие божества, неисследуемой вечной силы».

Тема Человека, как доказательство присутствия божества, о котором говорил когда-то Шокан, продолжилась в творческих работах членов клуба «Шокан», опубликованных в сборнике «Кто Я». Размышления на эту тему, осмысление феномена Шокана, его места в истории духовного опыта человечества явились первым словом, пробой пера в шокановедении будущих ученых новой генерации, для которых гений Шокана стал путеводной звездой и ориентиром в жизни.

Григорий Потанин писал о нем: задачей своей жизни Валиханов считал служение киргизскому народу, защиту его интересов перед российской властью и содействие его умственному возрождению. Последнее для него было возможным только косвенным образом: он мог изучать свой народ и печатать свои труды на русском языке, но темперамент Валиханова не благоприятствовал усидчивым занятиям наукой. К науке он относился с азиатско – аристократической небрежностью. Но если бы у Валиханова была киргизская читающая публика, может быть в лице киргизский народ имел бы писателя на родном языке в духе Лермонтова и Гейне. Сегодня мы, нынешние представители науки, можем сказать, что читающая публика у Валиханова есть. И все, что оставлено, пусть небрежной, как говорил Потанин рукой Шокана, будет нами прочитано, осмыслено и постигнуто, а то, что он не успел додумать, дописать, досказать – пусть будет продолжено нами и нашими потомками.

Раздумывая о том значении, какое имеет Шокан Уалиханов для нас, современных ученых, я вдруг пришла к мысли, что в личности Шокана меня интересует прежде всего то усилие, которое делает человек, чтобы сохранить в памяти человечества современные ему события и желание знать как можно более точно прошлое человечества. Шокан, по свидетельству Григория Потанина, его верного друга и соратника, имел любимую поговорку: перед Вечностью все ничто. И наверное, поэтому, Шокан приложил все силы к тому, чтобы сохранить на бумаге, в документах, настоящую ему действительность. И нас на мой взгляд, должно интересовать в этом смысле прошлое, которое было у Шокана в настоящем времени, и так же как и он, мы имеем сегодня возможность приложить усилия, чтобы сохранить нашу теперешнюю действительность в документах, чтобы оправдать наше существование перед потомками.